

**ТРАДИЦИИ «СКАЗАНИЯ О СТАРОМ МОРЕХОДЕ»
С.-Т. КОЛЬРИДЖА В «БАЛЛАДЕ РЭДИНГСКОЙ ТЮРЬМЫ»
О. УАЙЛЬДА¹**

Аннотация. *Актуальность и цели.* Впервые осуществлен анализ традиций знаменитой поэмы С.-Т. Кольриджа «Сказание о старом мореходе» («The Rime of the Ancient Mariner», 1797–1798) в «Балладе Рэдингской тюрьмы» («The Ballad of Reading Gaol», 1898) О. Уайльда с учетом тенденций литературного процесса в России второй половины XIX – начала XX в., способствовавших широкой русской известности обоих произведений, неоднократно привлекавших внимание переводчиков. Актуальность проведенного исследования обусловлена повышением общественной роли международного литературного и культурного сотрудничества, потребности глубинного раскрытия основных тенденций литературного взаимодействия с учетом коррекции устоявшихся представлений. *Материалы и методы.* Материалом для анализа стали произведения английских писателей С.-Т. Кольриджа и О. Уайльда и их русские переводы, осуществленные во второй половине XIX – начале XX в. Ф. Б. Миллером, А. А. Коринфским, Н. Л. Пушкиревым, Н. С. Гумилевым, К. Д. Бальмонтом, В. Я. Брюсовым и др. Использовались сравнительно-исторический и сравнительно-типологический методы исследования, приемы сопоставительного анализа поэтических текстов. *Результаты.* Отмечены общность трактовок темы страдания и прощения, использование в обоих произведениях балладных элементов, призванных подчеркнуть усиление напряженности, придать монотонность и однообразие описаниям терзаний и мучений. Охарактеризована близость «Сказания о старом мореходе» С.-Т. Кольриджа и «Баллады Рэдингской тюрьмы» О. Уайльда особенностям русского мировосприятия, во многом ставшая причиной появления во второй половине XIX – начале XX в. их многочисленных переводов – Ф. Б. Миллера, Н. Л. Пушкирева, А. А. Коринфского, Н. С. Гумилева («Сказание о старом мореходе»), К. Д. Бальмонта, М. Ликиардопуло, В. Я. Брюсова, А. И. Дейча и др. («Баллада Рэдингской тюрьмы»). *Выводы.* Сопоставительный анализ произведений английских авторов привел к выводу об их тематической и структурной взаимосвязи, проявившейся в характерной образности, использовании близких мотивов и художественных деталей.

Ключевые слова: поэзия, реминисценция, литературная традиция, английский романтизм, баллада, межкультурная коммуникация, художественная деталь.

D. N. Zhatkin, A. A. Ryabova

**TRADITIONS OF «THE RIME OF THE ANCIENT MARINER»
BY S. T. COLERIDGE IN «THE BALLAD OF READING CAOL»
BY O. WILDE¹**

Abstract. *Background.* The article for the first time analyzes the traditions of the famous poem by S. T. Coleridge «The Rime of the Ancient Mariner» (1797–1798)

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-2112.2013.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX – начала XXI века: рецепция поэзии английского романтизма в синхронии и диахронии».

noticed in «The Ballad of Reading Gaol», 1898, by O. Wilde. The tendency of literary process in Russia in the late 19th – early 20th centuries that made possible the great popularity of both works and the desire of translators to render them into Russian has been taken into account. The actuality of this investigation is stipulated by growing of the role of international literary and cultural cooperation and the requirement of revelation of the basic tendency of literary interaction and correction of conventional conceptions. *Materials and methods.* The analysis was done on the basis of the works of the English writers S. T. Coleridge and O. Wilde and their Russian renderings of the 19th and early 20th century done by F. B. Miller, H. L. Pushkarev, A. A. Korinfsky, N. S. Gumiliov («The Rime of the Ancient Mariner»), K. D. Balmont, M. Likiardopulo, V. Y. Brusov, A. I. Deutch and others («The Ballad of Reading Gaol»). There have been used the methods of comparative historic analysis, and historic typological analyses as well as comparative analysis of poetic works. *Results.* One can see the communality of treatment of the idea of suffering and forgiveness; both works use the ballad elements to emphasize the tension and to make the description of torture and pain more monotonous. There is something in common between «The Rime of the Ancient Mariner» by S. T. Coleridge and «The Ballad of Reading Gaol» by O. Wilde and the Russian world outlook which was the main reason for appearing of the translations by F. B. Miller, H. L. Pushkarev, A. A. Korinfsky, N. S. Gumiliov («The Rime of the Ancient Mariner»), K. D. Balmont, M. Likiardopulo, V. Y. Brusov, A. I. Deutch and others («The Ballad of Reading Gaol») in the late 19th – early 20th century. *Conclusions.* The comparative analysis of the works of the English authors comes to a conclusion that they have some common thematic and structural features that can be seen in their figurative style, in usage of similar motifs and artistic details.

Key words: poetry, reminiscence, literary tradition, English romanticism, ballad, intercultural communication, artistic detail.

Последнее произведение Оскара Уайльда – поэма «Баллада Рэдингской тюрьмы» («The Ballad of Reading Gaol», 1898) стала апофеозом исповедальности в его поэтическом творчестве; об этой балладе и ее месте в творческом наследии О. Уайльда неоднократно писали зарубежные исследователи, например Ричард Эллман [1], Петер Раби [2]. Поэма повествовала о тюремных страданиях человека, являвшегося убийцей, но в то же время и жертвой такого прекрасного и опасного чувства, как любовь. Уайльд написал поэму во Франции в городе Бернваль после двух лет заключения и, конечно же, под влиянием пережитого в тюрьме. «Ужас тюрьмы в том и состоит, что, будучи сама по себе чрезвычайно примитивной и банальной, она действует на человека столь разрушительно и мерзко» [3, с. 379], – сообщал писатель своему ближайшему другу, а впоследствии издателю его произведений Роберту Россу 8 октября 1897 г. Именно Р. Росс подсказал О. Уайльду и само название – «Баллада». И хотя окончательный вариант названия поэмы Уайльд сообщил издателю Леонарду Смизерсу уже 11 декабря 1897 г., в первых шести изданиях произведение было озаглавлено просто «Баллада», а в качестве псевдонима автора стояло «С-33» – обозначение номера камеры поэта в тюрьме. Уайльд хотел посвятить «Балладу» Россу, притом со словами «Когда я вышел из тюрьмы, одни встречали меня с одеждами и яствами, другие с мудрыми советами. Ты же встречал меня с любовью» [3, с. 379], однако впоследствии это посвящение было им снято.

Ритмика поэмы, по словам самого Уайльда, была заимствована у английского лирика Альфреда Эдварда Хаусмена. О. Уайльд использовал стро-

фу «английской баллады», но не на двух, а на трех рифмах. В основу сюжета произведения была положена подлинная история. Летом 1896 г. в Рэдингскую тюрьму был доставлен Чарлз Томас Вулбридж (Charles Thomas Woolbridge), о чем сказано в посвящении: «*In Memoriam C. T. W. sometime Trooper of the Royal Horse Guards obiit H. M. Prison, Reading, Berkshire July 7th, 1896*» [4, p. 117] [В память Ч. Т. В. бывшего кавалериста королевской конной гвардии, казненного в тюрьме Его Величества, Рэдинг, Беркшир, 7 июля 1896 года]. Вулбриджа приговорили к повешению за убийство своей жены на почве ревности. После казни его тело было брошено в яму с негашеной известью.

«Баллада Рэдингской тюрьмы», получившая широкую известность, переведенная на более чем пятьдесят языков, привлекла внимание русских переводчиков Н. Корна, К. Бальмонта, А. Дейча, В. Брюсова, М. Ликиардопуло (перевод в прозе) и др., вызвала определенные литературные ассоциации. Так, например, Валерий Брюсов указывает на очевидную взаимосвязь между поэмой и романом Виктора Гюго «Последний день приговоренного к смерти» (1829). Роман, явивший собой протест против института смертной казни, был написан от лица человека, осужденного на казнь, и в нем не случайно не называется преступление, за которое повествователя ожидает смерть [5, с. 2; 6, с. 87–89].

При чтении поэмы Уайльда вспоминается и еще одно произведение – поэма С.-Т. Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе» («*The Rime of the Ancient Mariner*», 1798), которая также повествует о страданиях человека, приговоренного к смерти, пусть не обществом, а природой (эта поэма несколько ранее вызвала значительный интерес русских переводчиков Ф. Б. Миллера, Н. Л. Пушкирева, А. А. Коринфского, Н. С. Гумилева и др.) [7, с. 194–218].

О создании С.-Т. Кольриджем «Сказания о Старом Мореходе» сохранились воспоминания В. Вордсворта [8, p. 45–46]. Американский исследователь Дж. Л. Лоуэс отмечал, что «Сказанию» присуща «точность отчета, составленного адмиралтейством» [9, p. 114]. В латинском эпиграфе, взятом из сочинения английского прозаика Томаса Бернета «Философские древности» («*Archaeologiae Phylosophicae sive Doctrina Antiqua De Rerum Originibus*») и предшествовавшем «Старому Мореходу» в сборнике «*Sibylline Leaves*» (1817), Кольридж нашел точное определение своей творческой миссии, заключавшееся в признании необходимости акцентирования невидимых свойств, которых никогда еще не постигал ум человека, реализации «сверхъестественной жизни» при сохранении «поэтической истины» [10, p. 68]; из русских переводчиков на эпиграф обратил внимание только Ап. А. Коринфский. В глоссах убитый мореходом альбатрос назван «птицей добрых предзнаменований», «благотворящей птицей», «птицей удачи» («*a bird of good omen*», «*the pious bird of good omen*», «*the bird of good luck*»). По мнению некоторых ученых, альбатрос воплощает в себе благодатные силы природы, «единое бытие», упомянутое в «Эоловой арфе»; другие видят в этой птице самого Иисуса Христа [11, p. 85]. Однако, скорее всего, для Кольриджа альбатрос важен как причина той кары, которую его убийство влечет за собой. Убийство альбатроса Старым Мореходом совершено неожиданно, ничем не мотивировано. Это зло не поддается разумному объяснению, а следовательно, является результатом первородного греха, приведшего к порче человеческой природы. Именно об этом Кольридж писал брату в марте 1798 г., когда

первый вариант поэмы был только что закончен: «Я совершенно твердо верю в первородный грех; в то, что с момента рождения наш разум поврежден, и даже когда наш разум светел, наша природа порочна и воля слаба» [12, p. 396].

Корабль останавливается на экваторе «в полосе мертвого штиля <всю плачевность положения Кольридж показал позаимствованным у Спенсера сравнением: «'Twas sad as sad could be» («То было прискорбно, как прискорбно может быть»)», когда от невыносимого жара начали сжиматься и трескаться доски на палубе, когда в кадках появилась зловонная зеленая плесень, когда в полдень на медном небе (the copper sky), как раскаленный горн, дышало жгучим огнем кровавое солнце (the bloody sun), когда от нестерпимой жажды они начали хрипеть, будто их глотки были набиты сажей (soot), и высовывали языки, точно хотели облизать черные запекшиеся губы (black lips baked); когда по ночам они стонали и бредили о каком-то полярном призраке, который пригнал их сюда из «туманной и снежной страны» (the land of mist and snow) и мучит теперь, сидя на девятиаршинной глубине; когда начало гнить и разлагаться (to rot) само море, и появились на нем какие-то липкие гады; когда по ночам огни смерти (the death-fires) плясали толпою вокруг корабля, а вода горела, как масло ведьмы (the witch's oils), зеленым, синим и белым» [13, с. 188]. Эта жуткая картина воспроизводит состояние души героя, воплощая чувство его вины и внутреннего одиночества. Символично, что при описании раскаленного неба Кольридж использовал собственные воспоминания об ужасной жаре в Англии в 1783 г. В этой связи Дж. Л. Лоуэс цитировал следующие строки английского натуралиста Гилберта Уайта, так описавшего лето 1783 г.: «Лето 1783 г. было удивительным и ужасным, полным устрашающих явлений, ибо <...> своеобразная дымка, или дымный туман, окутывавший наш остров в течение многих недель <...> имел весьма необычный вид, не походя ни на что, знакомое людской памяти <...> Солнце в полдень было таким же бледным, как луна, скрытое облаками, оно бросало ржавый, красновато-коричневый свет на землю и полы комнат; но особенно зловещим кроваво-красным оно становилось в часы восхода и заката. Все это время жара была <...> невыносимой» [9, p. 145–146]. Матросы корабля взглядами молча обвиняют Морехода и вместо креста вешают ему на шею мертвого альбатроса. Очевидно, Кольридж имел в виду не столько нательный крест, который являлся для христиан символом избавления от первородного греха, сколько крест как тяжелое испытание [14, p. 63]. Также этот образ ассоциируется с «печатью Каина», крестом, выжженным, по преданию, на челе Каина и Вечного Жида. Миф о Каине, убившем своего брата Авеля, равно как и миф об Агасфере, Вечном Жиде, осужденном за надругательство над Христом, занимал воображение Кольриджа во время работы над поэмой.

В. Я. Брюсов в своем эссе «Мысль баллады Уайльда» точно сказал: «Тюрьма научила его [Уайльда] страшной красоте страдания. С беспощадной жестокостью он воплотил эту красоту в вереницу однообразных строф, мучительно раздражающих сердце. Но эта беспощадная жестокость есть в то же время всепрощающая любовь ко всем людям. Последний вывод из «Баллады Рэдингской тюрьмы», найденный поэтом в глубине своей собственной страдающей, но прекрасной души, укладывается в одно слово: Прощение» [15, с. 10]. Об этом же говорится и в поэме Кольриджа: та же вереница страданий, выпавших на долю Старого Морехода, та же всепрощающая любовь, только ко

всему живому в итоге. Хотя сначала может показаться, что природа милосерднее, чем общество, так как старик остается жить, но все же он обречен скитаться по миру и рассказывать свою страшную историю, т.е. продолжать страдать. Идейная близость двух поэм состоит в том, что герои, совершившие преступления (Старый Мореход убил Альбатроса, который спас его и его товарищей, а Гвардеец убил женщину, которую любил), должны ответить за свои грехи перед природой, перед людьми, перед Богом. И тот и другой переживают страх смерти и испытывают равнодушные окружающих и отверженность. Но страдание меняет душу человека, вопреки гордости и голосу разума он начинает жаждать прощения. Счастливы те, кто может получить прощение: «*Ah! Happy they whose hearts can break / And peace of pardon win! / How else may man make straight his plan / And cleanse his soul from Sin? / How else but through a broken heart / May Lord Christ enter in?*» [4, p. 137] [О! Счастливы те, чьи сердца могут разбиться / И покой прощения получить! / Как еще может человек достигнуть прямо цели / И очистить свою душу от Греха? / Как еще, если не через разбитое сердце, / Может Бог войти?] – «О, счастлив тот, чье сердце может / Разбиться на пути! / Как иначе очистить душу / И новый путь найти? / Когда не в глубь сердец разбитых, / Куда Христу сойти?» [16, с. 29] (перевод В. Я. Брюсова). Эти строки перекликаются со словами Старого Морехода, ибо, только пережив страдания, человек может полюбить ближних и обрести прощение за совершенное преступление: «*He prayeth well, who loveth well / Both man and bird and beast. / He prayeth best, who loveth best / All things both great and small; / For the dear God who loveth us, / He made and loveth all*» [17, p. 50] [Тот молится, кто любит / И человека, и птицу, и зверя. / Тот молится, кто любит / Всех – и больших, и маленьких; / Ибо Бог, который любит нас, / Он создал и любит всех] – «Тот молится, кто любит всех, / Будь птица то иль зверь. / Тот молится, кто любит все – / Создание и тварь; / Затем, что любящий их Бог / Над этой тварью царь» [18, с. 39] (перевод Н. С. Гумилева).

Кроме того, встречаются сходные образы, например, призраков смерти: «*The very deep did rot: O Christ! / That ever this should be! / Yea, slimy things did crawl with legs / Upon the slimy sea. / About, about, in reel and rout / The death-fires danced at night; / The water, like a witch's oils, / Burnt green, and blue and white*» [17, p. 17] [Само море гнило: О, Христос! / Когда-либо это могло быть! / Да, скользкие твари ползли ногами / По скользкому морю. / Вокруг, кругом, в быстром танце и шумным сборищем / Огни смерти плясали в ночи; / Вода, как масло ведьмы, / Горела зеленым, и синим, и белым] – «Как пахнет гнилью – о, Христос! – / Как пахнет от волны, / И твари слизкие ползут / Из вязкой глубины. / В ночи сплетают хоровод / Блудящие огни. / Как свечи ведьмы, зелены, / Красны, белы они» [18, с. 16] (перевод Н. С. Гумилева). У Уайльда те же образы производят более пугающее впечатление: «*With mop and mow, we saw them go, / Slim shadows hand in hand: / About, about, in ghostly rout / They trod a saraband: / Ahd they damned grotesques made arabesques, / Like the wind upon the sand! / <...> / No things of air these antics were, / That frolicked with such glee: / To men whose lives were held in gyves, / And whose feet might not go free, / Ah, wounds of Christ! They were living things, / Most terrible to see. / Around, around, they waltzed and wound; / Some wheeled in smirking pairs; / With the mincing step of a demirep / Some sidled up the stairs: / And with subtle sneer, and fawning leer, / Each helped us at our prayers*» [4, p. 127] [Гримасничая, мы

видели, они шли, / Хрупкие тени, рука об руку: / Кругом, вокруг, призрачным шумным сборищем / Они плясали сарабанду: / И они проклятые уродливые существа создавали фантастические узоры, / Как ветер на песке! / <...> / Не воздушные существа эти шуты были, / Что резвились с таким весельем: / Для людей, чьи жизни были в путах / И чьи ноги не могли двигаться свободно, / О, раны Христа! Они были живыми существами, / Самыми ужасными на вид. / Кругом, кругом, они кружились в вальсе и вились; / Некоторые кружились, самодовольно улыбаясь, парами; / Жеманным шагом падшей женщины / Некоторые подбирались к лестнице: / И с коварной насмешкой, и раболепным злобным взглядом искоса / Каждый помогал нам в наших молитвах] – «И привиденья неизменно / Шагали там и тут, / Плясали дико сарабанду, / Как их велит статут! / Так в блеске ночи арабески / Пески пустынь плетут. / <...> / И не игрой воображенья / Казались духи нам: / Ведь мы, чьи жизни в тяжких путах, / Покорны даже снам; / Живые тени привидений / Стояли по углам. / Они мелькали, танцевали / И парами сплелись, / По нашим лестницам тюремным / Сбегали вверх и вниз, / Они смеялись, издевались / Над тем, как мы тряслись» [19, с. 23–24] (перевод А. И. Дейча). Нельзя не заметить сходства отдельных строк, да и сами образы «*Life-in-Death*» («Жизнь-в-Смерти») у Кольриджа и «*living Death*» («живая Смерть») у Уайльда, используемые авторами для выражения внутреннего состояния героев, очень схожи.

Оба поэта широко используют повторы. Ими буквально пронизана вся ткань произведений с целью постепенного нагнетания драматизма повествования. Например, у Уайльда повторение местоимения «some» в строфах, выражающих основную идею поэмы, служит цели подчеркнуть их мерным течением жестокую мысль, заключенную в последних строках, в которых уже нет повтора: «*Yet each man kills the thing he loves, / By each let this be heard, / Some do it with a bitter look, / Some with a flattering word, / The coward does it with a kiss, / The brave man with a sword! / Some kill their love when they are young, / And some when they are old; / Some strangle with the hands of Lust, / Some with the hands of God: / The kindest use a knife, because / The dead so soon grow cold. / Some love too little, some too long, / Some sell, and others buy; / Some do the deed with many tears, / And some without a sigh: / For each man kills the thing he loves. / Yet each man does not die*» [4, p. 118] [Но каждый человек убивает того, кого любит, / Каждым позволено этому быть услышанным, / Некоторые делают это с горьким взглядом, / Некоторые льстивым словом, / Трус делает это поцелуем, / Смелчак мечом! / Некоторые убивают свою любовь, когда молоды, / А некоторые, когда стары; / Некоторые душат руками Страсти, / Некоторые руками Бога; / Самые добрые используют нож, потому что / Мертвые так быстро холодеют. / Некоторые любят слишком мало, некоторые слишком долго, / Некоторые продают, и некоторые покупают; / Некоторые делают дело со слезами, / А некоторые без вздоха; / Ибо каждый человек убивает того, кого любит. / Но не каждый человек умирает] – «Но убивают все любимых, / Пусть знают все о том, / Один убьет жестоким взглядом, / Другой обманым сном, / Трусливый – лживым поцелуем, / А тот, кто смел, – мечом! / Один убьет любовь в расцвете, / Другой – на склоне лет, / Один удушит в сладострастии, / Другой – под звон монет, / Добрейший – нож берет: кто умер, / В том муки больше нет. / Кто слишком скор, кто слишком долго, / Кто купит, кто продаст, / Кто плачет долго, кто, спокойный, / И вздо-

ха не издаст, / Но убивают все любимых, / Не всем палач воздаст» [20, с. 3–4] (перевод К. Д. Бальмонта).

Также Уайльд в духе традиции английской литературной баллады использует рефрены, каждый раз в несколько измененном виде, что подчеркивает выраженное в предшествующем рефрену отрывке настроение: «*I never saw a man who looked / With such a wistful eye / Upon that little tent of blue / Which prisoners call the sky, / And at every drifting cloud that went / With sails of silver by*» [4, р. 117] [Я никогда не видел человека, который смотрел / С таким тоскливым взглядом / На этот маленький навес, / Который заключенные называют небом, / И на каждое дрейфующее облако, что проплывало / С серебряными парусами мимо], «*...And at every wandering cloud that trailed / Its ravelled fleeces by*» [4, р. 120] [И на каждое странствующее облако, что проносило / Свои спутанные барашки мимо], «*...And at every careless cloud that passed / In happy freedom by*» [4, р. 131] [И на каждое беззаботное облако, что проходило / В счастливой свободе мимо] – «Я никогда не знал, что может / Так пристальным быть взор, / Впиваясь в узкую полоску, / В тот голубой узор, / Что, узники, зовем мы небом, / И в чем наш весь простор» [20, с. 31] (перевод К. Д. Бальмонта). Постепенно у Уайльда образ облаков, свободно плывущих по небу, максимально противопоставляется жизни в неволе, однако это не находит отражения в переводе Бальмонта.

У Кольриджа также огромное количество повторов [21, с. 138–142]. Английский романтик использует их, например, чтобы показать необъяснимость мотива убийства Альбатроса Старым Мореходом или чтобы выразить, насколько одиноким был старик, расплачиваясь за свое преступление: «*For all averred I had killed the bird / That made the breeze to blow. / Ah wretch! Said they, the bird to slay, / That made the breeze to blow! / <...> / Then all averred, I had killed the bird / That brought the fog and mist / 'Twas right, said they, such birds to slay, / That bring the fog and mist*» [17, р. 15] [Ибо все утверждали, я убил птицу, / Что заставляла ветер дуть. / О, негодяй! говорили они, птицу убить, / Что заставляла ветер дуть! / <...> / Потом они утверждали, я убил птицу, / Что принесла туман и изморось. / Было правильно, говорили они, таких птиц убивать, / Что приносят туман и изморось] – «Мне упрекали: «ты убил / Того, кто нам приветен был, / Кто ветер нам послал!» / <...> / Умолк, и каждый говорил: / «Ты прав, что наказал / Того, кто нам опасен был, / Кто нам туман послал» [22, с. 214] (перевод Ф. Б. Миллера); «*Alone, alone, all, all alone, / Alone on a wide wide sea! / And never a saint took pity on / My soul in agony*» [17, р. 27] [Один, один, совсем, совсем один, / Один в бескрайнем, бескрайнем море! / И никогда святой не сжалился над / Моей душой в агонии] – «Я один, я один оставался на всем / Этом мертвом таинственном море; / Ни одна из всех душ, пролетавших кругом, / Не хотела понять мое горе» [23, с. 27] (перевод Н. Л. Пушкарева). Кстати говоря, из строк оригинала, описывающих, под несомненным влиянием Томаса Чаттертона [24, р. 369–370], картину свадьбы («*The Bride hath paced into the hall, / Red as a rose is she; / Nodding their heads before her goes / The merry minstrelsy*» [17, р. 8] [Невеста вступила в зал, / Красна, как роза, она; / Кивая головами, впереди нее идут / Веселые менестрели], Ф. Б. Миллер убрал при переводе сравнение невесты с розой: «Невеста в зал идет на бал, / Потупив скромно взор, / А перед ней толпа гостей / И музыкантов хор» [22, с. 213].

Прием противопоставления используется обоими авторами, чтобы показать, что все, созданное природой, Богом, прекрасно. Только люди не понимают этого до определенного момента. Совершив преступление против жизни и раскаявшись в нем, они обретают любовь. У Уайльда ужасы тюрьмы противопоставлены красоте цветов: «*They think a murderer's heart would taint / Each simple seed they sow. / It is not true! God's kindly earth / Is kindlier than men know, / And the red rose would but blow more red, / The white rose whiter blow. / Out of his mouth a red, red rose! / Out of his heart a white! / For who can say by that strange way, / Christ brings His will to light, / Since the barren staff the pilgrim bore / Bloomed in the great Pope's sight?*» [4, p. 133] – «Они думают, что сердце убийцы отравит семена, которые они посеют. Но это ложь. Божья добрая земля добрее, чем думают люди, и алые розы там распустились бы алее и белые розы – белее. Из уст его красная роза! Из сердца его белая! Ибо кто может знать пути Господни с тех пор, как голый посох пилигрима расцвел цветами пред великим Папой» [25, с. 283] (перевод М. Ф. Ликиардопуло). У Кольриджа кошмары скитаний противопоставлены красоте морских змей: «*Beyond the shadow of the ship, / I watched the water snakes: / They moved in tracks of shining white, / And when they reared, the elfish light / Fell off in hoary flakes. / Within the shadow of the ship / I watched their rich attire: / Blue, glossy green, and velvet black, / They coiled and swam; and every track / Was a flesh of golden fire*» [17, p. 28–29] [За тенью корабля / Я видел водных змей: / Они двигались по дорожкам светящегося белого, / И когда они поднимались, эльфийский свет / Падал снежными хлопьями. / В тени корабля / Я видел их богатый наряд: / Синий, лоснящийся зеленый и бархатный черный, / Они извивались и плавали; и каждая дорожка / Была вспышкой золотого огня] – «Где плыл корабль, где на струи / Его ложилась тень, – / Там пламя странное всегда / Сверкало, ночь и день... / В лучах его мой взор ловил / Морских красавиц-змей: / Они вились на волнах / Среди живых огней... / На пене волн их чешуя / Меняла все цвета; / Манила взгляд, звала к себе / Меня их красота... / Они мелькали здесь и тут – / По золотым струям... / Счастливицы! Хотел бы я / Уйти навеки к вам...» [26, с. 7] (перевод Ап. А. Коринфского).

Как видим, между двумя поэмами, мистическим образом появившимися на свет с разницей в сто лет, существует как тематическая, так и структурная взаимосвязь. Создав свои лучшие произведения именно на тему страдания и прощения, оба автора использовали балладные элементы для нагнетания напряженности, придания монотонности и однообразности описанию терзаний и мучений, которые изматывали душу человека и в то же время подталкивали его к получению прощения.

Список литературы

1. **Ellman, R.** Oscar Wilde / R. Ellman. – N.-Y. : Vintage Books, 1988. – 736 p.
2. **Raby, P.** Oscar Wilde / P. Raby. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1988. – 164 p.
3. **Витковский, Е. В.** Комментарии / Е. В. Витковский // Уайльд О. Стихи / сост. и предисл. К. Н. Атаровой. – М. : Радуга, 2004. – С. 349–380.
4. **Wilde, O.** De Profundis, The Ballad of Reading Gaol & Other Writings / O. Wilde. – Ware (Hertfordshire) : Wordsworth Editions Limited, 1999. – 296 p.
5. **Брюсов, В. Я.** Введение / В. Я. Брюсов // Уайльд О. Баллада Рэдингской тюрьмы / пер. с англ. В. Я. Брюсова. – М. : Лит.-изд. отдел народного комиссариата по просвещению, 1919. – С. 1–2.

6. **Жаткин, Д. Н.** Традиции Томаса Мура в русской прозе 1820–1830-х гг. / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 3. – С. 87–89.
7. **Жаткин, Д. Н.** «Сказание о старом мореходе» С.-Т. Кольриджа в переводческих интерпретациях Ф. Б. Миллера, Н. Л. Пушкарева, А. А. Коринфского и Н. С. Гумилева (сопоставительный анализ) / Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова // Проблемы истории, филологии, культуры (Москва – Магнитогорск – Новосибирск). – 2011. – № 1 (31). – С. 194–218.
8. *The Rime of the Ancient Mariner: A Handbook* / ed. by R. A. Gettmann. – San Francisco : University of Illinois, 1961. – 88 p.
9. **Lowes, J. L.** *The Road of Xanadu. A Study in the Ways of the Imagination* / J. L. Lowes. – L. : Picador-Pan Books, 1978. – 396 p.
10. *Coleridge's Literary Criticism* / ed. J. W. Mackail. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1908. – 286 p.
11. **Knight, G. W.** *The Starlit Dome: Studies in the Poetry of Vision* / G. W. Knight. – London : Methuen, 1979. – 187 p.
12. *Collected Letters of S. T. Coleridge* : in 6 v. / ed. by Earl Leslie Griggs. – Oxford : Clarendon Press, 1956. – V. 1. – XXXIX, 659 p.
13. **Жерлицын, М.** Кольридж и английский романтизм / М. Жерлицын. – Одесса : Экономическая тип., 1914. – XVI, 300 с.
14. **Saintsbury, L.** *A History of Nineteenth Century Literature* / L. Saintsbury. – L. : Macmillan, 1929. – 498 p.
15. **Брюсов, В. Я.** Мысль баллады Уайльда / В. Я. Брюсов // Уайльд, О. Баллада Рэдингской тюрьмы / О. Уайльд ; пер. с англ. В. Я. Брюсова. – М. : Универсальная библиотека, 1915. – С. 5–10.
16. **Уайльд, О.** Баллада Рэдингской тюрьмы / О. Уайльд ; пер. с англ. размером подлинника В. Я. Брюсова. – М. : Лит.-изд. отдел народного комиссариата по просвещению, 1919. – 31 с.
17. **Coleridge, S. T.** *The Rime of the Ancient Mariner* / S. T. Coleridge. – N.-Y. : D. Appleton & Co, 1857. – 51 p.
18. **Кольридж, С. Т.** Поэма о старом моряке / С. Т. Кольридж ; пер. и предисл. Н. С. Гумилева. – Пб. : Всемирная литература, 1919. – 40 с.
19. **Уайльд, О.** Баллада Ридингской тюрьмы (*The Ballad of Reading Gaol*) / О. Уайльд ; пер. с англ. А. И. Дейча. – М. : Огонек, 1928. – 40 с.
20. **Уайльд, О.** Баллада Рэдингской тюрьмы / О. Уайльд ; пер. с англ. К. Д. Балмонта. – М. : Скорпион, 1904. – 56 с.
21. **Жаткин, Д. Н.** С.-Т. Кольридж и М. Ю. Лермонтов (к вопросу о литературной преемственности) / Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2007. – № 2. – С. 138–142.
22. **Кольридж, С.-Т.** Старый моряк / С.-Т. Кольридж ; пер. Ф. Б. Миллера // Английские поэты в биографиях и образцах / сост. Н. В. Гербель. – СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1875. – С. 213–221.
23. **Кольридж, С. Т.** Песнь Старого Моряка / С. Т. Кольридж ; пер. Н. Л. Пушкарева // Свет и тени. – 1878. – № 4. – С. 26–28.
24. **Birs, H.** *A History of English Romanticism in the Eighteenth Century* / H. Birs. – N. Y. : Henry Holt and C^o, 1899. – 455 p.
25. **Уайльд, О.** Полное собрание сочинений / О. Уайльд ; под ред. М. Ф. Ликиардопуло. – М. : Изд. В. М. Саблина, 1912. – Т. 8. – 364 с.
26. **Кольридж, С. Т.** Старый моряк / С. Т. Кольридж ; пер. и предисл. Ап. Коринфского. – СПб. : Изд. братьев Дм. и М. Федоровых, 1894. – 60 с.

References

1. Ellman R. *Oscar Wilde*. New York: Vintage Books, 1988, 736 p.
2. Raby P. *Oscar Wilde*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988, 164 p.

3. Vitkovskiy E. V. *Uayl'd O. Stikhi* [O. Wild. Poems]. Moscow: Raduga, 2004, pp. 349–380.
4. Wilde O. *De Profundis, The Ballad of Reading Gaol & Other Writings*. Ware (Hertfordshire): Wordsworth Editions Limited, 1999, 296 p.
5. Bryusov V. Ya. *Uayl'd O. Ballada Redingskoy tyur'my: per. s angl. V. Ya. Bryusova* [The Ballad of Reading Gaol: translation from English by V.Ya. Bryusov]. Moscow: Lit.-izd. otdel narodnogo komissariata po prosveshcheniyu, 1919, pp. 1–2.
6. Zhatkin D. N., Yashina T. A. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Literary miscellany of modern science and education]. 2007, no. 3, pp. 87–89.
7. Zhatkin D. N., Ryabova A. A. *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Moskva – Magnitogorsk – Novosibirsk)* [Problems of history, philology, culture (Moscow-Magnitogorsk-Novosibirsk)]. 2011, no. 1 (31), pp. 194–218.
8. *The Rime of the Ancient Mariner: A Handbook* Ed. by R. A. Gettmann. San Francisco: University of Illinois, 1961, 88 p.
9. Lowes J. L. *The Road of Xanadu. A Study in the Ways of the Imagination*. London: Picador-Pan Books, 1978, 396 p.
10. *Coleridge's Literary Criticism*. Ed. J. W. Mackail. Oxford: Oxford Univ. Press, 1908, 286 p.
11. Knight G. W. *The Starlit Dome: Studies in the Poetry of Vision*. London: Methuen, 1979, 187 p.
12. *Collected Letters of S. T. Coleridge: in 6 v.* Ed. by Earl Leslie Griggs. Oxford: Clarendon Press, 1956, vol. 1, XXXIX, 659 p.
13. Zherlitsyn M. *Kol'ridzh i angliyskiy romantizm* []. Odessa: Ekonomicheskaya tip., 1914, XVI, 300 p.
14. Saintsbury L. *A History of Nineteenth Century Literature*. London: Macmillan, 1929, 498 p.
15. Wilde O. *Ballada Redingskoy tyur'my: per. s angl. V. Ya. Bryusova* [The Ballad of Reading Gaol: translation from English by V.Ya. Bryusov]. Moscow: Universal'naya biblioteka, 1915, pp. 5–10.
16. Wilde O. *Ballada Redingskoy tyur'my: per. s angl. razmerom podlinnika V. Ya. Bryusova* [The Ballad of Reading Gaol: translation from English by V.Ya. Bryusov]. Moscow: Lit.-izd. otdel narodnogo komissariata po prosveshcheniyu, 1919, 31 p.
17. Coleridge S. T. *The Rime of the Ancient Mariner*. New York: D. Appleton & Co, 1857, 51 p.
18. Coleridge S. T. *Poema o starom moryake: per. i predisl. N. S. Gumileva* [The Rime of the Ancient Mariner: translation and preface by N.S. Gumilyov]. Petersburg: Vsemirnaya literatura, 1919, 40 p.
19. Wilde O. *Ballada Ridingskoy tyur'my: per. s angl. A. I. Deycha* [The Ballad of Reading Gaol: translation from English by A. I. Deycha]. Moscow: Ogonek, 1928, 40 p.
20. Wilde O. *Ballada Redingskoy tyur'my: per. s angl. K. D. Bal'monta* [The Ballad of Reading Gaol: translation from English by K.D. Balmont]. Moscow: Skorpion, 1904, 56 p.
21. Zhatkin D. N. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Buletin of Moscow State Regional University. Series “Russian philology”]. 2007, no. 2, pp. 138–142.
22. Coleridge S.-T. *Angliyskie poety v biografyakh i obraztsakh. Sost. N. V. Gerbel'* [English poets in biographies and examples. Compiled by N.V. Gerbel]. Saint Petersburg: Tip. A. M. Kotomina, 1875, pp. 213–221.
23. Coleridge S. T. *Svet i teni: per. N. L. Pushkareva* [Light and shades: translation by N. L. Pushkaryov]. 1878, no. 4, pp. 26–28.
24. Birse H. *A History of English Romanticism in the Eighteenth Century*. New York: Henry Holt and Co, 1899, 455 p.
25. Wilde O. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Moscow: Izd. V. M. Sablina, 1912, vol. 8, 364 p.

26. Coleridge S. T. *Staryy moryak: per. i predisl. Ap. Korinfskogo* [The Rime of the Ancient Mariner: translation and preface by Ap. Korinfsky]. Saint Petersburg: Izd. brat'ev Dm. i M. Fedorovykh, 1894, 60 p.
-

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет, академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России (Россия, г. Пенза, пр. Байдукова/ул. Гагарина, 1а/11)

E-mail: ivb40@yandex.ru

Zhatkin Dmitriy Nikolaevich

Doctor of philological sciences, professor, head of sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological University, academician of the International Academy of Pedagogical Education, honoured worker of higher education, member of the Council of Writers of Russia, member of the Union of Journalists of Russia (1a/11 Baydukova avenue/Gagarina street, Penza, Russia)

Рябова Анна Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, кафедра перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет (Россия, г. Пенза, пр. Байдукова/ул. Гагарина, 1а/11)

E-mail: sva00@yandex.ru

Ryabova Anna Anatol'evna

Candidate of philological sciences, associate professor, sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological University (1a/11 Baydukova avenue/Gagarina street, Penza, Russia)

УДК 820

Жаткин, Д. Н.

Традиции «Сказания о старом мореходе» С.-Т. Кольриджа в «Балладе Рэдингской тюрьмы» О. Уайльда / Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 86–96.